

Фото Александра КАРЗАНОВА

...Над темной,
молчаливо державой
Такое одиночество парит!
Завидую тебе,
орел двуглавый —
Ты можешь
сам с собой поговорить...

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

В ГОДА ранней юности я был одержим желаниями не отличаться от всех. Хотелось быть простым бравым переноком без проблем, говорить о любви молодежного жаргона, заниматься спортом, пить пиво и т. д. Ощущать себя не совсем такими, как все, было неприятно. Я научился тщательно удалять из разговоров об арестованых родителях, не открывать своих литературных вкусов, вообще скрывать присутствие таковых.

Годам двадцати я окончательно осознал себя парижем в советском обществе. Еще чуть позже до меня дошло, что быть парижем в этом обществе совсем не здорово. Так шаг за шагом я приближался к самосознанию отщепенца и бунтаря, а потом вдруг с изумлением увидел, что в обществе уже образовалась стервотип отщепенцев и бунтарей.

Такова особенность современного общества — почти немедленно оно рождает стервотип из оригинальности, моды из отчужденности, касты из разрозненных анархистов. И Россия оказалась не застрахованной от этого, едва ослаб большевистский террор.

Собственно говоря, все это началось еще в первой половине XIX века, когда вместе с героями Пушкина и Лермонтова в России проник байронический тип. Что было первым в этом выражении — курци или яйцо, литература или жизнь? Где вообще-то сам лорд Байрон черпал свою вдохновение? Так или иначе, явившиеся как пример крайнего индивидуализма, байронический тип в России настолько разножился, что в конце концов привел гвардию к восстанию против императора в декабре 1825 года.

О русских нередко говорят, что они являются имитаторами Запада. Может быть, это так, но в имитаторстве они часто заходят дальше предмета подражания. Раскольников мечтал подражать Наполеону, но в конце концов образовал Кеку.

В эстетике дела обстоят не менее кардинальным образом. Взять, к примеру, фантаристов. Одолжив имя у отдаленного итальянского течения, русские артисты начала ХХ века развили мощный авангардный Ренессанс, из которого вышли по крайней мере три великих поэта — Хлебников, Маяковский, Пастернак, по крайней мере три великих художника — Кандинский, Малевич, Шагал, а также по крайней мере два великих Игоря — Стравинский и Сикорский.

Как известно, начальным стимулом этого движения была пресловутая «пощечина общественному вкусу». Горсточка юношей, родивших этот стимул, счищала себя антиэтетиками. Но самое деле они, конечно, были суперэстетами и техническими крайними индивидуалистами, какими был Дон Кихот. Трагедия этих людей состояла в том, что доведя свой индивидуализм до крайности, они стали сползать к коллектизму. Склонные к выпуску манифестов, они подспудно и коллективно считали одной из летучих прокламаций. Прокламация, однако, оказалась весом в свинцовую тонну. Ответная пощечина общественного вкуса стерла футуристов с лица России.

В отличие от России в Америке в дело вступила не идеология, а коммерция. Американский футурист-битник не был гневно отвергнут и запрещен, а, напротив, продвинут, разожжен и превращен в стимул торговли.

В принципе та же самая тенденция пронизывает почти все, так сказать, творческое наследие «поколения протеста». Анархический рок-н-ролл стал неотъемлемой частью электронной промышленности. Индивидуализм пионеров изобразительного искусства, преодолев барьер непонимания, тоже стал товаром для широких масс и потерял благодетельную, в художественном смысле, неуправляемость.

вало это неизбывное «мы». Критиканы ворчали: мы продолжаем искажать факты, мы показываем редкие примеры головотяпства, мы разрушили наше сельское хозяйство... Даже и диссиденты, заклейменные как злые враги народа, продолжали рифмовать свой разоблачительный пафос со словом «мы». Мы устроили первые в мире концлагеря, мы вместе с Гитлером развязали вторую мировую войну... И даже — жарким шепотом прямо в ушную раковину: ведь это же мы расстреляли 15 тысячпольских офицеров в Катыни! Однако позвольте, почему же «мы»? Разве это «мы» там стреляли в затылок, разве это не «они» там все это сотворили, упали и убили?

плодотворный, давший писателю его основную интонацию сарказм начал уવывать, грани бунтующей личности подверглись нивелированию. К этой теме мы еще будем возвращаться по мере приближения Запада, пока что в поле нашего зрения все еще находится неуклюжая, хоть и героическая борьба «одинокого героя» с мягкой, удушающей машиной послесталинского государства.

Вытеснение героя в эмиграцию — неважно, внутреннюю или внешнюю, — стало естественным результатом этой борьбы. Обе стороны в этой схватке ошибались. Мягкой машине казалось, что, если она выпустит неудобоваримый кусок, ее члены перестанут залепляться в бессмыслицкие узлы, что вся ее

иная, как мой средневековий читатель, тот самый, что приведет меня на земной литературный Олимп! Да ведь и я не только покупатель в земных местах, но и продавец. О, да, мамы, вы можете мне помочь! Я, видите ли, писатель, и вы можете купить мои книги.

Персона улыбается. Это очень интересно. Какого рода книги вы пишете, сэр? Семейные драмы! Исторические хроники! Сай-фай! Триллеры! Готические романы! Серийные убийства! Судебные драмы! Детективы!

Я начинаю мялжить. Увы, ни то, ни другое, ни третье. Я, видите ли, пишу романы-«ожоги», воспроизвожу некие бумажные пейзажи, сочиняю книги-«острова», книги-«айцы», пьесы-«лагушки», пьесы-«цапли», а занят поисками жанров, железками из золота, ловлей стальных птиц, с вашего разрешения, ну и прочее в этом духе.

Идеальная персона сочувственно улыбается. Понятно, понятно. Мне кажется, сэр, вам нужно пройти немножко дальше вдоль рядов, в антикварный магазин.

И ЗИГАННЫЙ из советского колхоза восточноевропейца или русский на Западе попадает в колхоз иного рода. Принципиальная разница состоит в том, что первый был основан на масовой бедности, второй — на массовом богатстве. И там, и здесь предлагается выбрать уровень нищеты, во втором — варианты массовой роскоши, ибо же такое западное общество, если не мир массовой роскоши?

Коммунизм — это лишь одно из имен тоталитаризма, и никто еще не доказал, что какой-то иной вид тоталитаризма не может быть богатым, даже роскошным и даже свободным, если принимать за свободу то многое, чего были лишены субъекты коммунизма. Не исключено совершенно противоположное доказательство. Поеzdка в современную Японию, например, может вызвать в воображении некоторые черты будущего богатого и свободного тоталитаризма.

Неизглатально, впрочем, ездить так далеко, если сосредоточить наблюдения на современном искусстве. На Западе блестящие вополтия в жизни один из ленинских лозунгов, из тех, что вечно вызывали ярость советского интеллектуала-индивидуалиста, «Искусство принадлежит массам», — говорил Ильин. Естественно, он лукавил, как пувкили коммунисты во всех своих лозунгах. Разумеется, он имел в виду управляемые массы с раз и навсегда отработанными потребностями и вкусами. Искусство, следовательно, принадлежало не самим массам, а руководящим растягивали уже отсутствующую змею.

ТРЕБОВАЛОСЬ время, чтобы остановиться, сделать глубокий вдох и оглядеть новые берега. Так вот и ваш покорный слуга одиннадцать лет назад, сменив четырехзначную аббревиатуру с излишне громоздящейся согласной на трехзначную с продолжением, как эхо в лесу, гласной, то есть оказавшись вместо USSR-R-R в USA-A-A, оглянулся и задал себе вопрос: «Где я?» Первое, что я заметил, были манекены в магазинах. Качество их изготовления достигло невероятной высоты и все-таки продолжало идти вверх. Они выглядят, как реальные люди, настолько реальные, что кое-где декораторы уже начали деформировать им головы, очищив, для того, чтобы ограничить их от сексуального запугивания.

Мистификация все-таки преобладает. Имитация живого человека доходит до предела. Манекены стоят в одиночку и группами, сидят задумчиво, кудахт друг друга влюблут, как настоящие индивидуалисты высшего качества.

«Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех», — писал Пастернак. Сам же заслал своим романом Итальян. И он, и Солженицын, и другие бунтари-одиночки при всей мощи своего индивидуализма все-таки жаждали поспасти общество «мэссиджем», алкахи «глаголем» ярче сердца людей. Писатель, закапывающий свой роман в землю почтой без всякой надежды, а иногда и без желания открыть его обратно, становится индивидуалистом высшего профиля.

Ему наплаздана на «сердце людей», он полностью отвергает как советское, а не земное, не успехи», — писал Пастернак. Сам же заслал своим романом Итальян. И он, и Солженицын, и другие бунтари-одиночки при всей мощи своего индивидуализма все-таки жаждали поспасти общество «мэссиджем», алкахи «глаголем» ярче сердца людей. Писатель, закапывающий свой роман в землю почтой без всякой надежды, а иногда и без желания открыть его обратно, становится индивидуалистом высшего профиля.

«Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех», — писал Пастернак.

Сам же заслал своим романом Итальян.

И он, и Солженицын, и другие бунтари-одиночки при всей мощи своего индивидуализма все-таки жаждали поспасти общество «мэссиджем», алкахи «глаголем» ярче сердца людей. Писатель, закапывающий свой роман в землю почтой без всякой надежды, а иногда и без желания открыть его обратно, становится индивидуалистом высшего профиля.

«Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех», — писал Пастернак.

Сам же заслал своим романом Итальян.

И он, и Солженицын, и другие бунтари-

одиночки приобретут какой-то другой смысл, кроме самоудушения. Герой между тем полагал себя Лаокооном, надеясь, что прорыз сквозь питонобразные стеники машины спасет его личность.

То же произошло на самом деле. Машине продолжала свой самодушеющий процесс, ибо в этом было ее предназначение, а герой вдруг осознавал, что его личность может эроziроваться без этой борьбы, что мышцы его увянут и дух расслабится в ее отсутствие и потому в диких порывах творческого самосохранения продолжал жить и на свободе производить все те же телодвижения, все продолжая растигивать уже отсутствующую змею.

ТРЕБОВАЛОСЬ время, чтобы остановиться, сделать глубокий вдох и оглядеть новые берега. Так вот и ваш покорный слуга одиннадцать лет назад, сменив четырехзначную аббревиатуру с излишне громоздящейся согласной на трехзначную с продолжением, как эхо в лесу, гласной, то есть оказавшись вместо USSR-R-R в USA-A-A, оглянулся и задал себе вопрос: «Где я?» Первое, что я заметил, были манекены в магазинах. Качество их изготовления достигло невероятной высоты и все-таки продолжало идти вверх. Они выглядят, как реальные люди, настолько реальные, что кое-где декораторы уже начали деформировать им головы, очищив, для того, чтобы ограничить их от сексуального запугивания.

Мистификация все-таки преобладает. Имитация живого человека доходит до предела. Манекены стоят в одиночку и группами, сидят задумчиво, кудахт друг друга влюблут, как настоящие индивидуалисты высшего качества.

«Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех», — писал Пастернак.

Сам же заслал своим романом Итальян.

И он, и Солженицын, и другие бунтари-

одиночки приобретут какой-то другой смысл, кроме самоудушения. Герой между тем полагал себя Лаокооном, надеясь, что прорыз сквозь питонобразные стеники машины спасет его личность.

То же произошло на самом деле. Машине продолжала свой самодушеющий процесс, ибо в этом было ее предназначение, а герой вдруг осознавал, что его личность может эроziроваться без этой борьбы, что мышцы его увянут и дух расслабится в ее отсутствие и потому в диких порывах творческого самосохранения продолжал жить и на свободе производить все те же телодвижения, все продолжая растигивать уже отсутствующую змею.

ТРЕБОВАЛОСЬ время, чтобы остановиться, сделать глубокий вдох и оглядеть новые берега. Так вот и ваш покорный слуга одиннадцать лет назад, сменив четырехзначную аббревиатуру с излишне громоздящейся согласной на трехзначную с продолжением, как эхо в лесу, гласной, то есть оказавшись вместо USSR-R-R в USA-A-A, оглянулся и задал себе вопрос: «Где я?» Первое, что я заметил, были манекены в магазинах. Качество их изготовления достигло невероятной высоты и все-таки продолжало идти вверх. Они выглядят, как реальные люди, настолько реальные, что кое-где декораторы уже начали деформировать им головы, очищив, для того, чтобы ограничить их от сексуального запугивания.

Мистификация все-таки преобладает. Имитация живого человека доходит до предела. Манекены стоят в одиночку и группами, сидят задумчиво, кудахт друг друга влюблут, как настоящие индивидуалисты высшего качества.

«Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех», — писал Пастернак.

Сам же заслал своим романом Итальян.

И он, и Солженицын, и другие бунтари-

одиночки приобретут какой-то другой смысл, кроме самоудушения. Герой между тем полагал себя Лаокооном, надеясь, что прорыз сквозь питонобразные стеники машины спасет его личность.

То же произошло на самом деле. Машине продолжала свой самодушеющий процесс, ибо в этом было ее предназначение, а герой вдруг осознавал, что его личность может эроziроваться без этой борьбы, что мышцы его увянут и дух расслабится в ее отсутствие и потому в диких порывах творческого самосохранения продолжал жить и на свободе производить все те же телодвижения, все продолжая растигивать уже отсутствующую змею.

ТРЕБОВАЛОСЬ время, чтобы остановиться, сделать глубокий вдох и оглядеть новые берега. Так вот и ваш покорный слуга одиннадцать лет назад, сменив четырехзначную аббревиатуру с излишне громоздящейся согласной на трехзначную с продолжением, как эхо в лесу, гласной, то есть оказавшись вместо USSR-R-R в USA-A-A, оглянулся и задал себе вопрос: «Где я?» Первое, что я заметил, были манекены в магазинах. Качество их изготовления достигло невероятной высоты и все-таки продолжало идти вверх. Они выглядят, как реальные люди, настолько реальные, что кое-где декораторы уже начали деформировать им головы, очищив, для того, чтобы ограничить их от сексуального запугивания.

Мистификация все-таки преобладает. Имитация живого человека доходит до предела. Манекены стоят в одиночку и группами, сидят задумчиво, кудахт друг друга влюблут, как настоящие индивидуалисты высшего качества.

«Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех», — писал Пастернак.

Сам же заслал своим романом Итальян.

И он, и Солженицын, и другие бунтари-

одиночки приобретут какой-то другой смысл, кроме самоудушения. Герой между тем полагал себя Лаокооном, надеясь, что прорыз сквозь питонобразные стеники машины спасет его личность.

То же произошло на самом деле. Машине продолжала свой самодушеющий процесс, ибо в этом было ее предназначение, а герой вдруг осознавал, что его личность может эроziроваться без этой борьбы, что мышцы его увянут и дух расслабится в ее отсутствие и потому в диких порывах творческого самосохранения продолжал жить и на свободе производить все те же телодвижения, все продолжая растигивать уже отсутствующую змею.

ТРЕБОВАЛОСЬ время, чтобы остановиться, сделать глубокий вдох и оглядеть новые берега. Так вот и ваш покорный слуга одиннадцать лет назад, сменив четырехзначную аббревиатуру с излишне громоздящейся согласной на трехзначную с продолжением, как эхо в лесу, гласной, то есть оказавшись вместо USSR-R-R в USA-A-A, оглянулся и задал себе вопрос: «Где я?» Первое, что я заметил, были манекены в магазинах. Качество их изготовления достигло невероятной высоты и все-таки продолжало идти вверх. Они выглядят, как реальные люди, настолько реальные, что кое-где декораторы уже начали деформировать им головы, очищив, для того, чтобы ограничить их от сексуального запугивания.

Мистификация все-таки преобладает. Имитация живого человека доходит до предела. Манекены стоят в одиночку и группами, сидят задумчиво, кудахт друг друга влюблут,